

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ

Н.Н. КОЗЛОВА

Гендер и вхождение в модерн

Гендерный анализ и методология социального знания

В настоящее время имеет место переосмысление глубинных оснований мышления. Специалисты по социологии знания показали: фактически все противопоставления, которые функционируют в качестве принципов видения и деления, установления иерархий и оценок, в замаскированной форме отсылают к противостоянию *мужской/женский*. Как отмечает П. Бурдьё, "когда вы слышите *теоретический/практический, буржуазный/народный* или *господствующий/подчиненный*, вы не думаете *мужской/женский*. Тем не менее речь идет именно об этом" [1, с. 16]. В этот же ряд следует включить и такие категории, как *качество/количество, разум/интуиция, сакральный/профаный, дух/плоть*, а также *огромность/прозаичность, приятность/болезненность, нацеленность на будущее/сиюминутность*. Первая часть оппозиции воспринимается как более сильная и чистая по отношению к слабой и нечистой. Первая - доминирующая, вторая - подчиненная. Именно последней неявно приписываются качества *женского*.

Тот же Бурдьё в другом месте показывает, что подчинение женщины связано с разными статусами, которые приписываются полам в системе экономики символических обменов. Мужское и женское наделены символическими функциями, они выступают как знаки различия. Мужчина - субъект, женщина - объект. Освобождение женщин - долгая революция именно потому, что подразумевает революцию символическую, т.е. ту, что ставит под вопрос сами *основания* символического производства и сам принцип производства и потребления культурных благ [2, р. 122-125].

Не составляет исключения и система образования и науки. Здесь можно достаточно легко обнаружить целый ряд противопоставлений, за которыми стоят профессиональный выбор, определенный тип интересов и манера интеллектуальной работы. Следует лишь напомнить о столь привычных оппозициях дедукции и индукции, жестких и мягких методов, количественных и качественных исследований, естественных и гуманитарных наук, логики и интерпретации, социологии и психологии, философии и географии и пр.

Сказанное знаменитым французским социологом прочувствовано "на собственной шкуре". Последние годы я занимаюсь исследованием непрофессиональных текстов, анализом биографий, индивидуальным и локальным. Эти занятия для меня - органический элемент собственной жизненной истории. Однако в научном сообществе нередко приходится сталкиваться с тем, что этот род деятельности неявно маркируется как "дамское занятие". Через привычные языковые оппозиции ряду практик присваивают-

ся качества женственности. Язык подсказывает, что свойства качественных методов фемининны: "чувство личной причастности", "отвращение к обезличенной статистике", "интуиция", "эмоциональность" воспринимаются как оппозиция холодному, беспощадному, рациональному, или мужскому [3, с. 20].

Женское непременно оказывается на нижней ступени. Вот политология как область контроля, независимости - дело "настоящих мужчин"! Главный редактор журнала "Политические исследования" заметил в частной беседе, что гордится почти полным отсутствием женских текстов на страницах его журнала. Исследование биографий маленьких людей, повседневных практик - женское дело. Недаром, кстати, так называемые качественные методы прилагаются в первую очередь к исследованию практик доминируемых, людей маленьких, тех, кто попадает под колеса истории, а не претендует на то, чтобы историю творить. Недаром попытки посредством тех же методов изучить практики элиты могут наталкиваться на молчаливое сопротивление.

Можно провести и такую параллель. Лет пятнадцать назад я занималась обыденным сознанием. Тогда защищалась довольно много диссертационных работ по этой проблеме. Почти каждая работа начиналась с указания на значимость обыденно-практического сознания. Но тут же следовало "признание", что обыденное сознание принадлежит к низшему уровню отражения действительности. А дальше исследователю приходилось долго извиняться за то, что в качестве предмета работы избрана именно "низшая форма". Такой способ обсуждения проблемы то мягко, то жестко диктовался готовым языком и наличными категориями социальной философии. В рамках классической методологии социального знания обыденно-практическое мышление приписывалось к области иррационального, а значит, занимало низшее положение в оппозиции *рациональное/иррациональное*.

Как показали теоретики феминизма и просто социальные теоретики, взгляд на природу человека, культуры, общества не нейтрален в гендерном отношении. Феминистский взгляд сыграл большую роль в распространении нового видения социальной и культурной реальности. С самого начала в феминизме отсутствует мифология природного состояния, естественных потребностей и способностей. Главный тезис феминистской мысли: природа женщины не *дана*, а *создана*, то, что выдается за свойство, - результат силового воздействия. То, до чего социальная теория и методология доходили долго и мучительно, здесь самоочевидность и "*ясно всем*" до всякого обсуждения. Это по существу тезис конструкционистский, связанный с постклассическими методологиями [4].

Исследование собственно женских практик, а также тех, что в обществе неявно маркируются как женские, способствует поиску нового языка говорения о социальном, новых методологических позиций и установок. Переписывание социального на новом языке сопряжено с уходом от анализа только того, что видится "нормальным" и "центральным", жестким, институциональным, "мужским" в культуре. Как отметила С. Хардинг, составитель сборника "Феминизм и методология", исследовательницы феминистской ориентации критически относятся к тому, как традиционные социальные исследователи концептуализируют жизнь и мужчин, и женщин. Они обращают внимание на те стороны в социальном поведении женщин и мужчин, на те практики, которые ученые традиционного типа не полагали значимыми [5, р. 2]. Существуют работы, специально посвященные вкладу феминизма в переопределение взгляда социального исследователя (6, 7).

Самый яркий и всем известный пример - исследование феномена власти. Классическая методология ограничивала изучение таковой исключительно государственными институтами, полем политики, поскольку в центре интереса были жесткие структуры, несущий каркас общественного здания. Ныне, с легкой руки М. Фуко и Н. Элиаса, она видится разлитой по всему социальному пространству, концентрируясь в отдельных его точках. Политика видится микрополитикой, власть - биовластью. Социальные отношения рассматриваются как установление бесконечных силовых балансов, которые немислимо исследовать, не учитывая отношения *мужского/женского*. Семья - поле

формирования "женственности", одновременно это пространство, где складываются микрополитические связи, где культурные нормы определяют режимы функционирования тел. В рамках этих подходов гендерный анализ перестает быть маргинальным.

Сегодня представление о социальной конструкции пола необходимо включать в теорию общества, ставить вопрос о конкретно-исторических вкладах женского начала в воспроизводство новых социальных и культурных форм и общественных отношений. Понятно, что это задача сложная, ведь силовое отношение мужского и женского асимметрично. Мужская позиция уже интерпретирована, а женская находится в процессе интерпретации. Тогда сам собой отпадает вопрос о "высшем" и "низшем" уровне реальности и начинается действительно содержательный разговор о социальных практиках и социальном изменении.

Социальный генезис феминистского взгляда

Итак, феминизм и гендерные исследования в целом внесли значительный вклад в изменение взгляда на общество. "Истину практики" можно увидеть только тогда, когда есть *позиция* видения.

Возникновение феминизма свидетельствует о преодолении немислимого барьера "естественных отношений", предельных культурных оснований, вековых традиций. Самая сильная форма власти - та, которая не осознается, которая воспринимается как нечто естественное, данное от Бога или природы. Для того чтобы, *живя в культуре*, подвергать критике *основания собственных практик*, нужны сдвиги археологических пластов. Должна свершиться некая история.

Обратимся к некоторым ее страницам. В каких социально-исторических обстоятельствах женщины смогли *заговорить* о сбоях в социальной конструкции полов? Можно вполне определенно обозначить социально-исторические границы этих обстоятельств: эпоха **модерна-современности**. Понятно, что точные даты здесь невозможны. Исследователи начинают отсчет обществу модерна на Западе примерно с конца XVIII века (Фуко). Тогда же, кстати, появляются первые феминистские тексты, в которых ставится проблема женской идентичности. Анатомия - судьба. Для того чтобы подвергнуть судьбу сомнению, идентичность (социальная, индивидуальная, гендерная) должна превратиться в проблему. Именно общества модерна стали одержимы проблемой идентичности. Именно в них вопрос "Кто я есть?" не находил однозначного ответа, поиск которого как раз и подразумевает поиск *позиции* и *отношения* к социальным правилам, до этого воспринимаемым как самоочевидные и не подвергаемые сомнению. Знаменитый британский социальный теоретик Э. Гидденс значительную часть своей теоретической работы посвятил проблемам модерна как общества и проблемам самоидентичности в обществах модерна. Он показал, что в социальных пространствах модерна изменения "Я" начинают конструироваться рефлексивно. Человек начинает "культивировать" ощущение "Я". Это выступает в качестве значимой компоненты процесса установления личной и социальной связи [8, p. 32, 33]. Британский исследователь аргументированно показал, что подобная подотчетность опыта - исторически относительно новый феномен (имеется в виду, конечно же, массовый случай). Человек оказывается способным (если спросить его об этом) дискурсивно интерпретировать природу и основания своего поведения. Сама возможность такой дискурсивности лежит в новых формах *опыта*.

В традиционных обществах люди - узники событий и предсуществующих обстоятельств. Они не чувствуют себя субъектами, способными изменять мир и свою судьбу согласно собственному разумению. То, что с ними происходит, определяется одним словом: судьба... Судьба - необходимость случайного. Социальная и личная идентичность были относительно зафиксированы и связаны с генеалогией, родом, социальным статусом. В культурах, где порядок вещей от поколения к поколению являлся более или менее стабильным на уровне коллективности, границы изменения

идентичности четко очерчены. Пример - переход от юности к зрелости через различные типы инициации. Такие переходы управлялись институционально, а роль индивида была относительно пассивной. Отношение к собственному положению, т.е. *позиция*, здесь, как правило, отсутствует.

Позиция возникает там, где есть дистанция и выбор. Путь от детерминизма к идее и практикам выбора - результат длительного исторического процесса. Принуждение к выбору - источник развития и продукт обществ модерна. Отличительная черта жизни этих обществ - отношение социальных агентов к социальной реальности как к проектируемой и управляемой. Речь шла не только о проекте общества в целом или отдельных общественных институтов, но и о проекте человеческого "Я". Человек должен был не единожды в течение жизни отвечать на вопрос, кто он такой. Именно в этом смысле говорят, что "Я" в посттрадиционных социальных порядках становится рефлексивным проектом.

В *традиционных* обществах жизненные рамки создаются обычаем и ритуалом: каждый знает, что ему делать, как поступить, путь его предопределен. Доверие людей друг к другу (основа социальной связи личного типа) выступает как источник *легитимности* мира. В *модерных* обществах жизнь человека неотделима от постоянного выбора и социального творчества. Межличностные отношения обретают независимость от связей родства, от клановых определений. Возникает "Я", которое не доверяет автоматически. "Я", для которого *самоидентичность* является проблемой. Это "Я" осмысливает себя в терминах *автобиографии*. Биография ассоциируется с непрерывностью самотождественного "Я" и требует связного повествования. Автобиография - то, над чем можно работать. Биография - вещь рискованная. Можно *испортить себе биографию* [8, р. 75-80]. Целостный, планируемый и постоянно корректируемый жизненный проект осуществляется в контексте поливариантного выбора. Сам индивид отвечает за собственный "Я"-проект. Идентичность может превратиться и в свободно выбранную игру, в театральную презентацию себя, что и происходит в условиях позднего модерна (или постмодерна).

Сама возможность женского взгляда на собственное положение - эпифеномен этих процессов. Это необходимое условие перевода "молчаливого страдания" в дискурс, который дает имя проблеме без названия. Молчание прерывается. Практики гендерной асимметрии начинают обговариваться.

О чем начинают говорить те, которые раньше молчали? Основная масса феминистской литературы - разговор "об угнетении женщины", если воспользоваться названием известной работы Дж. Милля. Они уподобляются рабам или крестьянам. Угнетение - ключевая метафора в дискурсе феминизма. Вот примеры из классических феминистских текстов. "Жена, не наследующая собственности, обладает таким же правовым статусом, как раб на плантациях юга", - написано почти полтора века назад, в 1854 году, американкой Э. Стэнтон [9, с. 156]. У С. де Бовуар возникла ассоциация между женской культурой и крестьянскими цивилизациями. "Женский склад ума, или, точнее, менталитет женщины, увековечивает менталитет представителей земледельческих цивилизаций, которые с трепетным обожанием относились к магическим свойствам земли" [10, с. 676]. Крестьянин - тот, кто пребывает на грани природы и общества и находится на нижних ступенях социальной лестницы. Б. Фридан пишет, что действия женщин "... подобны ненасильственному сопротивлению, которое Ганди использовал в Индии" [3, с. 145]. То же относится и к русскому феминизму начала века. Только что опубликованы "Труды Первого всероссийского женского съезда (1908 год)" и другие материалы по истории феминизма в России [11]. Сам способ обсуждения, ключевые метафоры удивительно напоминают то, что мы обнаруживаем в материалах по истории западного феминизма. О дискриминации женщины сегодня написаны тома. Голос женщин представлен как голос жертв социального и символического доминирования, или как голос Другого [12].

Данный ход мысли подкрепляется логикой крупных теоретиков, пишущих об обществах модерна, - от Фуко до З. Баумана [13-15]. Проект модерна понимался как

созданный разумом и рационально постигаемый. Разум был мужским качеством. Провозглашаемая универсальность оборачивалась миром мужских правил.

Действительно, новое общество воспринималось как более совершенное по сравнению с традиционным. Оно, казалось, должно было заменить хаотическую работу слепых и неконтролируемых сил, восстановить справедливость по отношению к "подлинно человеческому" потенциалу и дать людям возможность жить в соответствии с их "естественной природой" [16]. Чтобы люди обрели подлинную сущность, их следовало подвергнуть трансформации, преобразению. Новый порядок, предназначенный заместить общество различий, должен был создаваться более совершенными существами. В идеологиях модерна идеологиям нового человека принадлежит далеко не последнее место.

Модерн виделся прежде всего работой культуры. Но это было также время завоевания, безжалостной борьбы с предрассудками и идолопоклонничеством, с ограниченностью интересов и мертвой хваткой традиции. Вырывание с корнем партикуляризирующих авторитетов было условием достижения человеческой гомогенности и универсализма, что происходило через диктат разума, требовало обучения и тренажа, образования, просвещения и цивилизации. Школьное обучение, терапия, тюремное содержание и универсальный надзор были неотъемлемой частью этой работы.

Эмпирические индивиды оказывались лишь грубым искажением подлинного человеческого потенциала. Но в особенности это касалось женщин. Те, кто явно не желал подчиняться нормам, квалифицировались как девианты и отделялись от "здоровых" и "нормальных". Мужчина был, скорее, нормален, женщина лишь должна была стремиться к норме. Модерн охранял границы цивилизации. Отсюда идея постоянного производства здоровья. Здоровое тело - норма, вырабатываемая культурой и развивающаяся через социальные отношения. Тело превращалось в объект технологий. Женщина виделась существом не совсем здоровым. Не обладая сильными телами, женщины попадали под надзор мужчины — главы семейства, который выполнял роль низшей властной инстанции. Женщина конституировалась как сексуальный объект посредством тренажа и дисциплинированности. Женщину *нормировали*, задавая ей режим телесности. Впрочем, доминирование, заметим в скобках, соматизировано не только в обществах модерна, но во всех культурах [см. 2, р. 28-38]. То же самое осуществлялось и через дискурс, через риторику¹.

Модерн был помешан на проблеме производительности. Для производства считались пригодными "сильные тела" рабочих и солдат. Женщина исключалась из производства, ибо не производила экономические блага. Область женской деятельности - потребление. Феминистки доказывали, что это не так, что женские практики — тоже часть производства. Производство жизни не равно производству вещей, но это производство. Более того, именно индустриальное общество стало вовлекать женщин в процесс материального производства. Словом, здесь мы оказываемся на зыбкой почве. В обществе заставляют молчать тех, кто девиантен, кто управляем, внушаем и не способен рассуждать. Голос женщин - голос объекта, который не просто вдруг заговорил, но заговорил о правах.

Общества модерна одержимы не только вопросами идентичности, но и проблемой универсальных норм и прав. Здесь господствует идея универсального представления о человеческом, которое, как прекрасно показано не только в феминистской литературе, неявно мыслилось как мужское. Отсюда первый этап феминистского движения - борьба за равные права. Феминизм универсальных прав сегодня кому-то кажется наивным. Его критикуют, но без него не был бы возможен второй этап - феминизм "самости". Именно через апелляцию к универсальной норме складывалось отношение к собственной позиции, без которого самоидентичность немислима.

На первых этапах истории феминизма новая женщина не задавала вопроса: должна она смириться с установлениями, данными от Бога, или сломать их? "И душа негра, и

¹ См., например, анализ дискурса любви в романе И. Гончарова "Обрыв" [17. с. 255-282].

душа женщины, облеченные в плоть, несут ответственность перед Всевышним. Лишь одному закону подчинены души человеческие, и, чтобы толковать его, нужен не человек и не сын человеческий, но Сын Божий" [9, с. 99]. Только при подобном возвышении мысли мужчина перестает быть хозяином и учителем, но становится братом и другом. Эти высказывания и мысли принадлежат М.-Фуллер, редактору газеты "Трибюн", которая выходила в Новой Англии еще в 40-е годы прошлого века.

Люди равны перед Богом, значит, мужчины и женщины равны. Недаром сторонницы женских прав проповедовали свои взгляды в церквах. Они переинтерпретировали Библию точно так же, как это делали ранние протестанты. Человек одиноко предстоит перед Богом и отвечает только перед ним. Человек - не только мужчина, но и женщина. Кстати, недаром именно квакеры признавали равенство женщин и мужчин.

Декларация чувств (1848, США) в качестве образца имеет Декларацию независимости. Право голоса как неотъемлемое право человека, право представительства, право на профессию. Отстаивая права, они ссылались на мысль У. Блэкстона (1723-1780), автора "Комментариев к законам Англии", что право есть начало универсальное, а потому не имеет пола. Двойной морали (для мужчин и женщин отдельно) противопоставлялась универсальная мораль. То же относилось к любым социальным нормам. Словом, идея общечеловеческого потенциала женщин тесно связана с представлением об универсальной норме.

Нельзя не обратить внимания еще на один важный момент. Феминистские тексты часто читают так, как будто сказанное там относится ко всем временам и всем культурам. Голос первых "самосознательных" феминисток был вполне определенно локализован социально. Позиция по отношению к существующим практикам, которая и привела к возникновению феминизма как идеологии и движения, отмечалась в привилегированных социальных пространствах. Непривилегированные были вынуждены, как это всегда бывает в истории, "следовать правилу" или (в меру возможностей) нарушать правила, не подвергая сами правила сомнению.

Феминистки конца XIX-начала XX века принадлежали, по меньшей мере, к среднему классу. Именно они стали "подопытными наблюдателями", которые смогли выработать способ говорения о своем положении. У этих женщин наряду с досугом было хорошее образование [18]. Отсутствие вовлеченности в те практики, которые социально маркируются как мужские, позволило им не разделять те ментальные предпосылки, которые выступают условием участия мужчин в больших социальных играх (Бурдьё). Именно это создало саму возможность позиции по отношению к социальной конструкции пола.

Пробелы, оставленные мужчинами

На этом пункте следует остановиться и обратиться к другому аспекту проблемы. Да, женщина порабощена. Тем не менее сказать, что женщина только объект, - сказать далеко не все.

В данном проблемном поле точка зрения Фуко и его последователей, на которую я ссылаюсь выше, преобладает. Впрочем, позиция самого Фуко не оставалась неизменной. В своих ранних работах он связывал возникновение современных обществ с ростом дисциплинарной власти, производящей "послушные тела", контролируемые и регулируемые, а не спонтанно действующие, движимые желанием. Как известно, к концу жизни его взгляды несколько изменились. Постепенно он начал понимать власть и как мобилизующий феномен, а сексуальность как точку пересечения отношений *власти-доминирования* и *власти-соблазна*.

Однако Фуко уделял огромное внимание сексуальности за счет гендерного аспекта. Власть воспринималась в первую очередь как ограничительная сила. Единственными движущими силами истории выступают власть, дискурс и тело. История как результат активно действующих людей едва присутствует. Взгляды Фуко на сексуальность

обретают еще большую ценность, если поставить их в *другие интерпретативные рамки* [19, p. 23, 24].

Взгляд на женщину только как на объект властных технологий неполон, если мы хотим "переписать" социальное с учетом практик доминируемых. Из представления о женщине как существе исключительно подчиненном можно сделать лишь один вывод: женщина должна появиться на публичной стороне социального порядка. Однако этого недостаточно.

Современные философия и социология многократно показали, что доминируемый не бессилён в системе отношений власти. Как отмечает, в частности, Ж.-Ф. Лиотар, "даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют" [20, с. 45]. Понятно, что вклад женских практик в существование социального порядка не замечался, ибо не было средств фиксации этого вклада. Регистрируется не просто то, что получает социальное признание, но то, что поддается рефлексивной записи. Сейчас мы имеем средства такой записи.

Среди крупных социологов Г. Зиммель один из первых обратил внимание на то, что "объективная культура" реально является мужской и не замечает женскую. Но он же ясно показал, что адекватное рассмотрение проблем общества в целом без обращения к женской "стороне медали" будет, мягко говоря, неполным. Он увидел ограниченность "феминизма прав" и поставил вопрос, значимость которого и теперь понимают далеко не все: "Возникает ли из этого движения качественно новое образование, увеличение объективного содержания культуры?" [21, с. 235]. Он замечает, в частности, что в характерном для мужской культуры "отделении вещи от личности есть какая-то неверность, и это противоречит более верной сущности женщин, правда, и отделяет их внутренне от продуктивной культуры, ориентированной вследствие ее специализации и специализированной вследствие ее объективности" [21, с. 241]. Расширение границ объективной культуры возможно только в том случае, если женщины создадут то, что мужчины создать не могут. Задавая вопрос, где именно следует искать специфический вклад женщины в объективную культуру, он отмечал, что в общей культуре есть *пробелы*, оставленные мужчинами. Там и надо искать.

Эта задача долгое время не могла быть адекватно выполнена. Сегодня мы имеем ответы на вопросы, поставленные Зиммелем. Один из самых известных представлен точкой зрения Э. Гидденса. Британский социальный теоретик отказывается от привычного мыслительного хода. Он не ставит целью показать, каким образом гендерные неравенства проявляются в различных областях общества [8, 19]. Вместо этого он сосредоточивается на эмоциональном порядке, посредством которого женщины (обычные женщины в процессе повседневной жизни, равно как самосознательные феминистские группы) инициируют изменения, которые имеют общее значение. Исследование касается в первую очередь возможностей "чистого отношения" и отношений сексуального и эмоционального равенства, которые производят эффект взрыва по отношению к более ранним формам гендерной власти.

Традиционное общество бессмысленно описывать в терминах оппозиции публичной и частной сфер. Это разделение возникает только в процессе вхождения обществ в модерн и носит выраженную гендерную окраску. Женщины были вытеснены в область частного, а полем деятельности мужчин стала область публичного. Женщины были изгнаны из сферы публичного как главной арены истории обществ модерна. Однако именно женщины начали проводить инфраструктурную революцию, которая далеко не завершилась [19, p. 171].

Областью радикальной реорганизации межличностных связей стала возникающая *интимность*, которая и находится в центре внимания Гидденса. Эта реорганизация гомологична процессу демократизации публичной сферы. Трансформация интимности оказывает преобразующее воздействие на современные социальные институты как *целое*.

В течение XIX века в Европе образование семей стало связываться не с хозяйственной или родовой целесообразностью, а с индивидуальной любовью мужчины и

женщины. Ведь, подобно гендеру, родство в традиционных обществах воспринималось как данное от природы, как набор прав и обязанностей, порожденных биологическими связями. В процессе развития современных институций отношения родства подвергаются эрозии. Возникают те особенности самоощущения и самочувствия человека, которые кажутся нам естественными и самоочевидными: индивидуальная любовь, высокая степень идентичности с "другими". *Сексуальность* конституируется не только как средство установления власти над жизнью, но и как особая, относительно автономная сфера деятельности человека.

Отделение сексуальности от репродукции и социализация репродукции развиваются по мере того, как традиционные способы поведения со всей их богатой моральной проблематикой и асимметрией гендерной власти вытесняются. То, что было "естественным", становится социализированным. Соответственно радикально меняются области личной активности и взаимодействия. Сексуальность служит *метафорой* этих изменений и является фокусом их выражения, особенно в том, что касается рефлексивного проекта "Я". Сегодня о сексуальности много пишут как об органическом элементе политического [22]. Она же стала средством эмансипации как широкой эмоциональной реорганизации области личной жизни.

Одним из существенных, по Гидденсу, факторов, способствовавших освобождению людей от уз кровнородственных связей, была романтическая любовь. Мужчины и женщины стали участниками рискованного "эмоционального предприятия", которое имело для них большее значение, чем отношения с кровными родственниками.

Процесс имел социальный характер. Об этом свидетельствует тот факт, что именно в XIX веке романы стали той художественной формой, которая покорила воображение читателя. В романах возникли новые способы построения сюжета. Фабула в большинстве романов строилась вокруг любовного приключения, в котором женщина играла активную роль. Напомним, что в средневековой литературе женщина, как правило, пассивна. По романам множество молодых людей обоего пола (но прежде всего женщин) обучались *кодам* романтической любви, которые требовали от влюбленных особого *поведения* (способы переписки, общения на людях и наедине). Популярность любовных романов сегодня свидетельствует о незавершенности процесса.

Романтическая любовь отличалась от страсти, которую можно наблюдать в любых обществах. Страсть в большинстве культур не признавалась необходимой и достаточной основой для заключения брака, более того, она виделась социально опасной, подрывающей общественный порядок. Недаром семейные пары редко обменивались поцелуями и ласками. Атрибутом семейной жизни ласки стали начиная с XIX века.

Семейный дом, этот символ приватности, стал местом, где люди могли рассчитывать на теплоту и эмоциональную поддержку. Ранее секс воспринимался как нечто существующее вне семейного дома. Сексуальная свобода мужчин была одним из проявлений социальной власти мужчин над женщинами. Женщины из привилегированной среды были более свободны от выполнения репродуктивных функций и рутинных хозяйственных работ, чем представительницы других слоев. Они могли позволить себе получать сексуальные удовольствия вне брака. В дальнейшем женская сексуальность, ограниченная рамками брака, стала символом "порядочной женщины". Область сексуальности стала "личной собственностью" в той же степени, в которой жизнь превратилась в частное пространство биографии.

Для женщин сексуальность впервые была отделена от круга беременности и родов, от функции биологического воспроизводства народонаселения. Не только для мужчин, но и для женщин сексуальность стала открытой для разнообразных форм, которые могли быть достоянием отдельного индивида. Она превратилась в пластичное свойство индивидуальности, предмет проекта и творчества. Без складывания этих предпосылок сексуальная революция последних десятилетий XX века вряд ли была бы возможной.

Глубоким изменениям в интимной сфере содействовало развитие средств контрацепции. Широкое движение по планированию семьи началось после Первой мировой войны.

Изменение характера *самоидентификации* человека не в последней степени связано с рефлексивностью тела, которое становится внешней упаковкой *самоидентичности*. Возникали неожиданные связи между свободой и самореализацией человека. Любовь стала включать в себя и сексуальность. В романтической любви притягательность другого человека - проявление возможности сделать свою собственную жизнь более полноценной. Любовь-слияние предполагает равенство в эмоциональной связи, позволяет ввести эротизм в отношения супругов.

Женщины оказали огромное влияние на изменение ситуации в обществе периода модерна. Любовь, наряду с эмоциональным индивидуализмом, легла в основу изменений семейной организации в обществе. Романтическая любовь — во многом любовь феминизированная. Идеалы романтической любви сливались с той ролью, которую женщина играла в доме, относительно изолированном от окружающего мира. Для мужчин напряженность восприятия любви как романтического приключения приводила к тому, что приходилось отделять удобства домашнего окружения от сексуальности хозяйки дома или проститутки. Мужской цинизм в отношении романтической любви проводил это различие, однако внутренне мужчины признавали феминизацию "респектабельной" любви.

Идеалы романтической любви оказывали воздействие на мужчин, но реакция их на эти идеалы отличалась от женской. Даже те мужчины, которые, казалось бы, попадали под власть романтической модели любви, не считали женщин равными себе существами. Строя свою жизнь рядом с женщиной, покоровшей его сердце, они не были подлинными участниками ее внутреннего мира, а также процесса исследования собственной души. Представление о любви как о модели организации личной жизни применительно к будущему и направленному формированию этого будущего было им чуждым. Их подход не обязательно подразумевал использование риторики романтической любви только как товара, имеющего спрос. Так или иначе влюбленность выступала обязательной внешней формой, принятой в определенных кругах общества, и служила установлению баланса власти в пользу женщин [19, р. 38-41, 60-61].

Феномен романтической любви уже содержал черты игнорирования половых различий. Сегодня мы в массовом масштабе встречаем женщин, сексуальное поведение которых веком раньше могло бы осуществляться только мужчинами. Женское сексуальное равенство постепенно устранило деление на добродетельных и испорченных женщин.

Сексуальная революция последних десятилетий нейтральна в гендерном отношении. Прежде всего это революция женской сексуальной автономии. Однако изменения мужской сексуальности еще более глубоки. Образ равенства представлен и в отношениях гомосексуальных. Мы имеем дело с глубокими необратимыми изменениями, но сама тенденция восходит к прошлому веку [23].

Патриархальная власть, свойственная традиционному обществу, ослабевает постепенно. Возрастает роль эмоциональных семейных уз. По-новому воспринимается материнство. Оно связывается не только с выполнением репродуктивной функции. Контроль со стороны женщины за воспитанием детей возрастает с уменьшением размеров семьи. В основе современного понятия материнства лежит идеализация матери.

По мысли Гидденса, интимность - это вопрос *эмоциональной коммуникации с другими и с самим собой в контексте межличностного равенства*. Именно женщины проложили путь к экспансии области интимности и стали эмоциональными революционерками в обществах модерна. То, что Фуко обозначает как власть, которая таинственным образом делает нечто по собственной воле, в фундаментальных своих аспектах была гендерной властью. Мужчины были уверены, что именно они творят историю. Женщины были приписаны к порядку природы и пребывали вне исторического времени. Позиция мужчины в области публичного достигнута за счет их исключения из процесса трансформации интимности [19, р. 67]. Мужчинам не удалось понять, что рефлексивный проект "Я" включает эмоциональную реконструкцию прошлого с целью проектирования связанного нарратива будущего. Мужчины как пол,

по мнению Гидденса, проглядели ключевую тенденцию в траектории развития модерна [19, p. 60, 61]. Как и женщины, они подверглись исключению.

Эти изменения поднимаются снизу и доходят до институционального, публичного уровня. Демократия в публичной области первоначально была мужским проектом, в котором стремились участвовать и женщины. Демократизация частной жизни не столь заметна, но изменения, происходящие там, столь же глубоки. Именно в этих областях *социальными изобретениями*, принадлежащими всем. Возможности интимности обладают демократическим потенциалом. Как и в области публичного, дистанция между идеалом и реальностью значительна. На пути встают психологические, экономические различия между полами [19, p. 188].

Нельзя не обратить внимания еще на одно важное обстоятельство. Как и любые другие социальные изобретения, процессы эмансипации в области интимности социально распределены. Социальное пространство в целом они охватывают лишь постепенно.

И опять встает вопрос о тех социальных пространствах, в которых имеют место названные процессы. Так, Фуко отмечает, что соответствующие медицинские практики, равно как техники нравственного руководства, исповедывания самого себя, складывались в узких группах буржуазных или аристократических семей (привилегированных и руководящих, доминирующих в области политики). Именно в этом социальном пространстве была проблематизирована сексуальность ребенка. "Народные" слои до поры до времени этой тенденцией не были затронуты. Понятно, что о какой-либо точной хронологии речь идти не может [13, с. 224, 226].

Сегодня возникают обстоятельства, когда многих женщин (не только привилегированных) *выбрасывает* в то поле, куда мужчины стараются их не пустить. Происходит срывание масок. Множество женщин *принуждены* к выбору. Не такова ли наша нынешняя российская ситуация? Она осложняется тем, что значительная часть женского населения жаждет сначала хлеба, а потом прав. Так или иначе, происходят явные сбои в техниках социальной конструкции пола. Основные коды патриархатной в своей основе культуры ослабевают. Схемы культурных правил, замалчиваемых и постоянно воспроизводимых, стали заметны если не всем, то многим. Когда женщины "вдруг" видят свою ситуацию, возникает момент риска. Может произойти ритуальное переворачивание как отвержение всех старых норм, возникновение своего рода анархизма. Эта ситуация напоминает эрмитажную картину "Наказание охотника", звери ловят охотника, свежую его и жарят на вертеле...

Гендерная история российского общества еще не написана. Сделаны лишь первые шаги (см., например [9, 24-261]). Это история сексуальных поисков мужчин, отделенная от их публичного "Я". Это женский поиск сексуального равенства. Сексуальный контроль мужчин над женщинами - не случайная сторона современной социальной жизни в России. По мере того как контроль рушится, мы все более видим принудительный характер мужской сексуальности. Этот угасающий контроль порождает вал мужского насилия. Сексуальный скандал становится неотъемлемой деталью российского политического пейзажа.

Создалась ситуация, когда традиционная гендерная идентичность подвергается огромным испытаниям, что касается как женщин, так и мужчин. Острейший дискомфорт испытывают и те и другие. Мужчин, быть может, это касается даже в большей степени. Сегодня мужчин подвергают постоянным упрекам: они не соответствуют образу отца-кормильца, защитника, т.е. они не выполняют нормативную маскулинную функцию. Мужчины обнаруживают, что их принадлежность к мужскому полу тоже, оказывается, проблема. Не только на Западе, но и в России обострился интерес к проблеме маскулинного.

Сегодня мужчины подталкиваются жизнью к тому, чтобы культивировать "женские" практики. Речь идет о работе - огромной! - которая требует множественных мелких изменений. Таково воспитание детей. Яркий пример новых типов деятель-

ности - социальная работа как противоядие против революции. Если в нашем обществе это не будет осознано, то само существование России окажется под угрозой.

Именно в этот момент приоткрывается пропасть между мужчинами и женщинами, и трудно сказать, когда через эту пропасть будут переброшены мосты.

Происходящее свидетельствует, что острейшие проблемы российского общества не решаются патриархатными методами. Женские движения вышли в область публичного. Сейчас все серьезные низовые движения - женские: движение солдатских мате-

рей, движение учителей за свои права. Выработка новых форм жизни невозможна без участия женщин. Однако сегодня ясно, что и женщины, и мужчины будут действовать (им придется действовать) по новым правилам, которые они изобретут вместе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996.
2. Bourdieu P. La domination masculine. Paris, 1998.
3. Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
4. Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11.
5. Feminism and Methodology. Social Science Issues. Bloomington, 1987.
6. Feminism/Postmodernism. New York-London, 1990.
7. Smith D.S. The Everyday World as Problematic. A Feminist Sociology. Oxford, 1988.
8. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, 1991.
9. Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992.
10. Бовуар С., де. Второй пол. М.-СПб., 1997.
11. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия // Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998.
12. Gilligan C. In a Different Voice. Cambridge, 1993.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
14. Bauman Z. Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Oxford-Cambridge, 1995.
15. Modernity and Identity. Oxford-Cambridge, 1996.
16. Брандт Г.А. Природа женщины как проблема (Концепции феминизма) // Общественные науки и современность. 1998. № 2.
17. Шапинская Е.Н. Любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе. М., 1997.
18. Banks O. Becoming a Feminist. The Social Origins of "First Wave" Feminism. Athens, 1986.
19. Giddens A. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford, 1992.
20. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.-СПб., 1998.
21. Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996.
22. Mann P.S. Micro-Politics. Agency in a Postfeminist Era. Minneapolis, 1994.
23. Ehrenreich B. et al. Re-Making love. London, 1987.
24. Клименкова Т. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.
25. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "Валдай-96". М., 1997.
26. Права женщин в России: исследование практики их соблюдения и массового сознания. В 2 т. М., 1998.